

ДИКТАТ ВЛАСТИ И ПУТЬ К ЛИЧНОМУ ВЫБОРУ
ИДЕЯ ЖЕРТВЫ ЗА ВЕРУ
В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

В статье исследуются тенденции секуляризации укорененной в христианской традиции идеи жертвы за веру у авторов второй половины XVI – XVII в. Опальные интеллектуалы, как и представители духовной и светской власти, прибегали к литературной топике и аллюзиям на жертву за веру, используя те же приемы позиционирования себя или иных субъектов данного дискурса как жертв, в т.ч. мучеников за веру. Конфликт с властью в сочинениях Андрея Курбского и патриарха Никона, с одной стороны, получал предельно сакральный характер, а с другой – оба намеренно конструировали жертвенную самоидентичность по отношению к власти. Анализируются риторические приемы воздействия власти на участников военных действий через идеи спасения и обретения мученического венца и призывы к жертвенной смерти за государство и государя. В связи с глубоким переживанием церковной реформы как трагедии веры усиливается восприятие жертвы как важнейшей составляющей самоидентичности. Протопоп Аввакум через создание своего «Жития» и переживание страданий за веру преодолевает собственно конфессиональный контекст использования этой идеи, став уникальным образцом для современников.

Ключевые слова: жертва за веру; мученики; самоидентичность; интеллектуалы; власть; раннее Новое время; протопоп Аввакум

Категории, идеи, топика жертвы и жертвенности занимают важное место в развитии культуры, в частности литературы. Древнерусским книжникам как наиболее образованным интеллектуалам своего времени свойственно постижение и категоризация постоянно меняющейся действительности. Частная жизнь человека, его самоидентичность выходят на первый план в литературе, начиная с XVII в., и становятся важнейшим объектом авторского и читательского внимания. Рефлексия авторов все чаще касается не только конфессиональной (православной) идентичности², но и необходимости разрешения конфликтов, в которые включается личность, обладающая множеством социальных ролей³.

Топика жертвы, выраженная в ритуалах (включая тексты), присутствует с древнейшего времени как «связующая нить» мира людей и мира природы. Христианство приносит осмысление жертвы как жертвенности в сотериологической и эсхатологической перспективе. В «переходном» XVII веке усиливается жертвенность как осмысление индивидуальной судьбы автора / героя. Именно в это время развиваются худо-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «"Культура духа" vs "Культура разума": интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.))».

² О конфессионализации России первой половины XVII в., см.: Опарина 1998.

³ Представляется, что с наибольшей силой эта сторона темы раскроется в Петровскую эпоху, однако служение государству, переживания за него станут ключевыми уже в трактовке многих памятников Смутного времени.

жественные и мировоззренческие категории, принципиальные отличные от имевших место в предшествующей книжности Древней Руси. Важным моментом для понимания проблемы является соотношение «земной» и «небесной» логики в толковании идеи жертвы за веру. В соответствии с небесной логикой жертва связана с метафизической стороной жизни человека и как религиозный ритуал участвует в деле спасения его души. Мирская логика использования категории постулирует необходимость жертвы под разного рода «идеологическими» предложениями.

На определенном этапе взаимодействия светской и религиозной культуры в границах слова «жертва»⁴ появляются представления о «секуляризированной» жертве человека, отличающиеся от воззрений, принятых в христианстве⁵. Словарь Академии Российской закрепляет языковой опыт Нового времени и, помимо основного значения слова «жертва», дает «преносные» значения: «иногда называется человек невинно в каком-нибудь случае погибший», «отречение выгод своих в пользу чью»⁶. Наиболее устойчивым фактором подобных изменений считается «обмирщение»⁷: наметившаяся в XVI в. тенденция к секуляризации и десакрализации понятия «жертва» с особой силой даст о себе знать в русской культуре XVII в. Сложность эпохи заключается в том, что одновременно действовали совершенно противоположные процессы, в частности связанные с движениями «ревнителей благочестия», разного рода полемистов, старообрядцев и т.д.⁸ Истоки и православная традиция сохраняли свою значимость для восприятия человеком Древней Руси (не)добровольных страданий. Первостепенным для исследования бытования идеи жертвы за веру должно быть внимание к ее оттенкам, тем более что речь идет о такой идее, которая, в отличие от многих других утративших влияние на человека ментальных конструкций переходного времени, оставалась значимой для всех сторон противостояния⁹.

Потрясения в России XVII в. отразились на личностном самосознании, находящемся в поисках собственной идентичности¹⁰. Идейные про-

⁴ Исторически сложилось, что за словом «жертва» стоят как минимум две реалии: жертва материальная и жертва духовная (жертвенность). Ср. наблюдения Б.А. Успенского о влиянии языка на религиозное сознание: Успенский 1969.

⁵ Данных процесс параллелен с изменениями в сознании человека Древней Руси.

⁶ Словарь Академии Российской 1790. Стб. 1187–1189. Формулировки предвещают современные выражения, используемые в художественной и каждодневной риторике: «жертва обстоятельств», «жертва режима», «жертва любви» и т.п.

⁷ См., например, концепцию А.М. Панченко: Панченко 1984.

⁸ О многочисленных внутрицерковных противостояниях накануне Петровских преобразований см.: Живов 2004: 7–34.

⁹ Логично было бы сравнить более глубокие, чем кажется, типологические сходства в других христианских культурах, в т.ч. британской. Способствует компаративному повороту и то, что христианская трактовка жертвы за веру в России и Британии имеет единый генезис, и это одна из немногих «рабочих» идей, постоянно применявшихся для взаимодействия власти и человека. Пример – «Книга мучеников» Дж. Фокса, посвященная описанию страданий английских протестантов при Марии Тюдор.

¹⁰ О формах личностного самоопределения в это время см., напр. Плеханова 2000.

тивники – Аввакум и Никон – будут ощущать себя не иначе как жертвами, пострадавшими со стороны власти: интерпретация идеи в конечном счете стала зависеть от субъекта и его целей и допускала политическую трактовку, в частности при характеристике взаимоотношения частного человека, общества и государства.

Спекулятивная логика государственной жертвы

Идея страдания за веру в результате действий представителей власти в Древней Руси репрезентировалась преимущественно через аллюзии на библейские или исторические события. Книжная топика мученичества как противостояния тирану находила наиболее яркие и бесчисленные аналогии в событиях раннего христианства. На Руси тема жертвы за веру осваивалась зачастую парадоксальным образом¹¹ и полноценно раскрылась только в эпоху татаро-монгольского нашествия. Помимо собственно страдания за веру, в памятниках, посвященных этим событиям, так или иначе прослеживается тема вынужденного страдания со стороны властвующей стороны. Подчиненное положение Орде отразилось на содержании и поэтике мученических житий русских князей Михаила Черниговского, Михаила Ярославича Тверского и др.

Показательно сравнение Андреем Курбским в «Истории о великом князе Московском» Ивана Грозного не только с Иродом, Нероном и другими тиранами прошлого, но и с Батыем, от которого пострадал Михаил Черниговский, тезоименитым которому был боярин М.И. Воротынский: «По роду влекоми от великаго Владимира, от пленицы великаго князя Михаила Черниговского, иже убиен от безбожнаго Батя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителем так сильным и грозным со дерзновением проповѣдал. Но и тѣ средници его, кровию венчавшееся, преложени суть, пострадавшие неповинне, к пострадавшему за Христа и преставлени мученики к мученику»¹².

Курбский не ограничивается историческими аллюзиями и изображает Грозного через апокалиптический образ дракона, называя «внутренним врагом» христианства. Создаваемая опальным князем эсхатологическая картина в первую очередь включает в себя образ царя, приносящего жертвы собственной гордыне, разврату и другим грехам. Пострадавшие, убитые или изгнанные Грозным прославляются как новомученики. Важно, что Курбский говорит о несоответствии личности Грозного христианскому образу идеального самодержца, но не о государе или государстве как таковых. Его аргументация основывается на канонических убеждениях, поэтому он подчеркивает тему врагов христианства, жертвами которых становятся мученики за веру: внешними врагами православия в XVI–XVII вв. устойчиво считались иноверцы, особенно мусульмане, но в не меньшей степени католики, протестанты, евреи и др.

¹¹ Характерна канонизация страстотерпцев Бориса и Глеба, которые пострадали от руки единоверного брата Святополка, однако их прославление в литературных памятниках XI–XII вв. так или иначе подразумевало мученический контекст.

¹² Курбский 2015: 140.

Обсуждение идеи жертвы за православное государство становится наиболее активным в XVI–XVII вв. Церковная и общественная полемика переходного времени часто приводила к тому, что аргументация, заимствованная из тех или иных религиозных источников, принимала в какой-то степени спекулятивный характер, возможно, даже неосознанно. Логика Курбского в трактовке событий «приземленна» ровно в той же степени, что и логика Грозного, – и тот и другой стремятся выставить себя жертвами антихристианского, как им кажется, поведения другого¹³. Причины подобных явлений, думается, нужно искать в исторической психологии этого времени: эти тенденции, не являясь еще в полной мере «обмирщением», постепенно вели к нему посредством индивидуально-личностных стремлений доказать собственную правоту, в т. ч. обосновать и оформить ее художественно (нужно отдать должное литературному мастерству большинства участников полемики).

Противостояние государству среди древнерусских книжников отнюдь не имело системного характера, и значительным упрощением сложившегося конфликта было бы утверждение, что они постоянно ощущали себя на положении жертвы в отношении государства¹⁴. Конфликт имел скорее культурный, чем общественно-политический характер. Использование глубинного христианского подтекста жертвы за веру в качестве инструмента убеждения вызывало понятное сопротивление со стороны интеллектуалов. Возможно, что и в случае Курбского главной причиной подобной трактовки были не столько действия Грозного и личная обида, сколько редкая образованность и новаторство личности князя. Не каждый книжник мог вступить в открытый конфликт с государем, однако не каждый мог аргументировать свою позицию на том уровне, на котором делал это Курбский. По смелости обличение Курбского можно сравнить с противостоянием Грозному митрополита Филиппа, осуждавшего кровопролития и поплатившегося за это жизнью. Курбский хорошо знал позицию Грозного и видел, что тот спекулировал понятиями, когда, например, писал ему о том, что тот пренебрег службой и возможностью пострадать не только за государство, но и за царя: «И тако ли душу свою за нас полагают, еже убо душу нашу желают от мира сего на всяк час во он век препустити?»¹⁵.

В то же время Курбский активно продуцировал риторику собственной жертвенности за веру. В сходной ситуации окажется Никон, который в письмах к Алексею Михайловичу из ссылки постоянно проводил аналогии между евангельской историей и собственной биографией, сопоставляя свое поведение с судьбой гонимых властью Иоанна Злато-

¹³ См. Попович 2020.

¹⁴ Осмысление конфликта с государством через жертву и тема государственного человека, который должен жертвовать собой ради отечества, станут ведущими в обновленной семантике понятия жертвы только в XVIII в., когда тема мученичества за веру отходит на второй план, а на первый план выходят иные сферы приложения человеческой жизни.

¹⁵ Первое послание Ивана Грозного 1981: 29.

уста, митрополита Филиппа, наконец, Иисуса Христа. Существенно, что канонизация Филиппа осуществлялась в тесной связи с образом Иоанна Златоуста, и зачастую именно в паре святители воспринимались книжниками XVII века при сравнении тех или иных героев с их образами¹⁶.

Когда Никон просит царя отомстить воеводе Р.Ф. Боборыкину, нарушившему неприкосновенность церковных земель, он постулирует готовность пожертвовать собой: «Мы же не точию, Христа ради, поношение и укорения прияти, но умрети готовы есмы. Тебѣ мало мнится, еже положить душу свою за друга своего, обаче у Бога нѣсть больши сея любви, ея же ради Сам нас Христос ради умре»¹⁷. В письме из Ферапонтова монастыря после Соборов 1666–1667 гг. Никон словно напоминает царю о смерти Филиппа в правление Ивана Грозного, говоря о нежелании умереть «правды ради» в царствование Алексея Михайловича: «Аз убо, о царю, не точию страдати всѣизволю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство, якоже и выше рекох. А я же нынѣ мучим есмь, не свѣмь себе грѣшша, ничто же достойно таковых мукъ, яко недостойн и челоуѣческия пици, подобныя ми, развѣе нужна ва хлѣба и воды. А что патриарси и судьи с ними судили, ни едина вина обрѣлась, достойна сичевых, ими же аз мучим есмь»¹⁸.

Жизненная установка на подражание Христу была характерна для Никона на протяжении всей его жизни, однако возобладала к ее концу¹⁹. Актуализация темы жертвы талантливыми книжниками оказалась напрямую связана с процессами секуляризации как ее трактовки властью, так и самоидентичности противников этой власти.

Жертва на войне: священное vs мирское

Идеи жертвы за веру и отечество в обстановке войны тесно связаны с общехристианской темой страданий за отстаиваемые ценности и идеалы. В 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан Рыло в Послании на Угру призывал Ивана III и его войско к жертвенному подвигу ради веры и церкви, в конечном счете ради православного народа: «Аще ли убо ты, о крѣпкій, храбрый царю, и еже о тебѣ христоролюбивое воинство до крове и до смерти постражут за православную христову вѣру и за Божия церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породилася духовною и нетлѣньна банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, блажени бо и преблагени будут в вѣчном наслѣднии, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрѣшити, но восприимут от Вседержителя Бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, иже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не взиде»²⁰.

Данный текст во многом уникален и находится в ряду первых известных русских текстов, созданных для призыва воинов к мученической

¹⁶ См. об этом: Сапожникова 2004.

¹⁷ Послание патриарха Никона о сосоре с Романом Боборыкиным 2007: 403.

¹⁸ Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1668 г.) 2007: 439.

¹⁹ Севастьянова 2007: 164–165.

²⁰ Послание на Угру 1999: 392, 394.

смерти. Отголоски его влияния идут гораздо дальше XV в.: И.М. Кудрявцев отметил содержательное и композиционное сходства Послания на Угру и послания митрополита Макария Ивану IV²¹. «Учительное послание» Макария от 13 июля 1552 г. (день осады Казани) также было обращено к царю и его войску²². Макарий, по-видимому, обладавший незаурядными ораторскими способностями, использует прием амплификации для того, чтобы в итоге подвести слушателей к идеям смерти за веру и посмертного воздаяния: «...аще случится кому отъ православныхъ христїанъ, на той брани, до крови пострадати за святыя церкви и за святую вѣру христїанскую и за множество народа людей православныхъ, и потомъ живымъ быти: и тѣ, постинѣ, пролитіемъ своєю крови, очистять прежніе свои грѣхи <...> и нетокмо прощеніе грѣховъ отъ Бога получать, за пролитіе своєю крови, но и сугубы мзды воспріимуть, въ нынѣшнемъ вѣцѣ приложеніе лѣтъ и здравіе животу, но и въ будущемъ вѣцѣ сугубы мзды воспріимуть за пролитіе своєю крови. А еже случится кому нынѣ отъ православныхъ христїанъ, на томъ вашемъ Царьскомъ ополченіи, нетокмо кровь свою проліяти, но и до смерти пострадати за святыя церкви, и за православную вѣру христїанскую, и за множество народа людей православныхъ, ихъже Христосъ испуки отъ мучительства честною своєю кровію, и его Христово слово исполнити: "ничтоже тоя любви болши, еже положити душу свою за брата своего"..."²³.

Последняя цитата из Евангелия от Иоанна (Ин 15: 13) традиционно призывает к жертвенности²⁴. В кодексе деятеля Контрреформации иезуита Петра Скарги «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию» в числе первых расположены следующие короткие поучения с этой же цитатой:

1. Христианский воин прославлен, поскольку в нем крепка любовь к «другам», к Речи Посполитой, к Святой Вере и Церкви, ради чего он жертвует собой, а ведь «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13)

2. В рыцарском деле всякий может стать любимым Господом и найти вечное спасение – ведь солдату легко поститься, не спать, утруждать свою плоть, он проливает кровь за Христа, служит Господу Богу²⁵.

²¹ Кудрявцев 1951.

²² С.О. Шмидт отмечает неуверенность царя накануне осады и, что «едва ли не по его просьбе (возможно, переданной митрополиту еще после совещания 20–21 июня) Макарий уже 13 июля составил пространное "учительное" послание, которое царь "велел прочитати всем боярам и воеводам"» – Шмидт 1973: 186.

²³ Акты исторические 1841: 294.

²⁴ Ср. апелляцию к этому же месту у Курбского в качестве упрека Грозному: «...и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих, неслыхованные от века муки и смерти и гонения умьслил еси, изменами, и чародействы и иными неподобными облыгаа православных <...?>» – Первое послание Курбского 1987: 287.

²⁵ Цит. по: Мочалова 2018: 435. Логика спасения в результате добровольного страдания воина за веру постоянно использовалась и в других странах, однако часто вызывала сопротивление церкви. Так, Е.В. Белякова сообщает, что византийский император Никифор II Фока в 963 г. «после успешных побед над арабами подготовил

Е.В. Белякова, проследившая изменения в отношении к убийству в канонических памятниках Древней Руси этого времени, характеризует подобные высказывания иерархов как новое явление в церковной идеологии: «воины приравняются к мученикам и жертвам, освобождающимся от грехов пролитием собственной крови»²⁶.

Напомним, что Иван Грозный в Первом послании Курбскому в порыве гнева утверждал, что «мучеников же в сие время за веру у нас нет»²⁷, явно «проговариваясь» о том, что и смерть на войне он расценивает как не столько жертву за православную веру, сколько жертву за государство и государя²⁸. Разделял некоторые убеждения Грозного и Алексей Михайлович, упрекавший Никона в том, что тот делает чересчур много для его развенчания: «Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну великому государю блаженной памяти Ивану Васильевичу всея Руси написал? А о себе утаил, как он низверг без Собору Павла, епископа Коломенского, и ободрал с него святительские одежды, и сослал в Хутынский монастырь, и там его не стало безвестно»²⁹. Сам Алексей Михайлович не был чужд жертвенного военного пафоса и неоднократно высказывался о том, что готов «всем пожертвовать», в т.ч. войском и жизнью, ради победы над противником: «Я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления»³⁰.

Наделенный незаурядными литературными способностями³¹, владевший риторическими приемами, Алексей Михайлович писал в «Молебном послании к мощам митрополита Филиппа» (март, 1652) о значимости их перенесения из Соловецкого монастыря в Москву: «...не бо и мы своєю силою или многооружнымъ воинствомъ укрѣпляемся, но Божією помощію и вашими святыми молитвами вся намъ на пользу строятся»³². Он прямо говорит о равноценном с государственной армией значении перенесения мощей Филиппа для защиты страны. Тема укрепления воинства занимала важное место в ораторском искусстве XVII в.³³

закон, по которому убитые на войне солдаты объявлялись мучениками. Но патриарх Полуект и другие епископы выступили решительно против, ссылаясь на правило Василия Великого. – Белякова 2003: 52.

²⁶ Белякова 2003: 61.

²⁷ Первое послание Ивана Грозного 1981: 26.

²⁸ В одном ряду эти понятия фактически появляются в «Оглашении» первой половины XVII в., которое должен был произносить человек, готовящийся принять православное крещение и пришедший из другой веры: «И за Христа моего и за православную вѣру греческаго закона и за святія церкви и за многогѣтное здравіе государя царя и великаго князя (имярек) всеа Русии радъ кровь свою прилятии и пострадати до смерти». – Цит. по: Опарина 1998: 342.

²⁹ Цит. по: Макарий.

³⁰ Павел Алеппский 1898: 171.

³¹ О литературности царя в контексте переходного времени см., напр. Шунков 2015.

³² Собрание государственных грамот и договоров 1822: 471.

³³ О развитии жанра «лагерной» проповеди в творчестве предшественников Полоцкого см.: Елеонская 1990: 95–98.

В частности, в проповедях Симеона Полоцкого из сборника «Вечера душевная» (1683) – «Слово к православному запорожскому воинству» (л. 86 об.–93) и «Слово к православному воинству» (л. 93 об.–99 об.) – звучат мотивы праведности сражения православного народа и славной и душеспасительной смерти на поле боя.

Заново обрели популярность в XVII в. сюжеты, связанные с борьбой против Ордынского ханства. Как отмечает А.С. Елеонская, «особенно активно [старопечатный] Пролог пополнялся произведениями на воинскую тему»³⁴. Впрочем, такой «милитаристской» тенденции была противопоставлена сильная агиографическая традиция, стремившаяся выделить духовный подвиг. Например, агиографическая переработка воинского повествования «Повести о разорении Рязани Батыем» в Распространенной редакции XVII в.³⁵, вероятно, говорит о понимании некоторыми участниками литературного процесса взаимозаменяемости ярко выраженного воинственного пафоса и мученического подвига.

В целом христианский долг защиты родины и веры активно подкреплялся патриотической государственной риторикой. Нельзя утверждать, что эта ситуация кардинально отличалась от предшествующего контекста, однако отличия ощущаются, и довольно существенные. Динамика идеи жертвы за веру способствовала включению в «жертвенное поле» решающего голоса земной власти, заинтересованной в соответствующем восприятии как военного, так и государственного³⁶ подвига, особенно актуального для территориальных притязаний России во второй половине XVII в.³⁷ Смерть не только за веру, но и за царя и государство становилась своего рода общим местом, идеологическим конструктом и активно разрабатывалась в проповедях и придворной литературе.

Выбор идентичности: жертвы власти или жертвы за веру?

Восприятие мира разделенным на небесное и земное измерения потребовало в XVII в. уточнений – личность, существующая в земном мире, все больше ищет опору в себе самой, и логика обращения к небесному миру в вершинных текстах русской литературы меняется. Для авторов раннего Нового времени тема жертвы имеет иной характер по сравнению с предшествующей книжностью, где жертва понималась или как осуждаемое греховное действие (в связи с нехристианским поведением), или как духовная жертва, мученичество, добровольные страдания (жертвенность). Уже в творчестве Курбского и Грозного земная и небесная логика вступают в противоречие. Хотя оба стремились использовать

³⁴ Елеонская 1980: 102.

³⁵ См. об этом: Лобакова 1993.

³⁶ Подобную риторику освоило и окружение царя. В частности, ближний боярин А. Матвеев, оказавшийся в ссылке после кончины Алексея Михайловича, в своей челобитной Федору Алексеевичу писал: «...за твое Государское повелѣние должень и послѣднюю каплю своей крови источить, и въ томъ свидѣтельству съ Господемъ богомъ» – История о невинном заточении 1776: 67.

³⁷ Идея жертвы была особенно важна для создания империи, подпитывала имперское сознание победителя и способствовала т.н. «травме» жертвы-проигравшего.

религиозную логику ответственности личности за грехи, христианская в генезисе жертва за веру все чаще оказывалась между метафизикой и политикой, ритуалом и долгом. Наряду с конфессиональной идентичностью важнейшее значение получает самоидентичность.

Именно в методах противопоставления себя власти через роль жертвы сближаются идейные противники патриарх Никон и протопоп Аввакум. Сопоставляя принципы и цели изложения событий в их автобиографических повествованиях, С.К. Севастьянова отмечает, что Никон «сосредоточен в основном на своих бедах, личных переживаниях, вызванных тяжестью заключения и несправедливым к нему отношением царя и людей, с ним рядом пребывающих», для Аввакума же «личная тема превращается в факт общественного значения»³⁸. Представляется, однако, что с Аввакумом дело обстоит гораздо сложнее. Как показывают многочисленные исследования, при всей своей связи с древнерусской традицией и литературным процессом он демонстрирует независимость творчества, преодолевая осознаваемую им «шаблонность» роли мученика³⁹. Для Аввакума жертва за веру – осознанное конструирование собственной идентичности, пафос которого заключается в сознании своей исключительной правоты⁴⁰. Его жертвенная самоидентичность прослеживается в автобиографическом «Житии» как наиболее концентрированном описании жизни и личности «многострадального юзника темничного, горемыки, нужетерпца, исповѣдника Христова»⁴¹. В восприятии жертвы за веру он словно намеренно прокладывает себе другой путь, нежели тот, по которому шли его предшественники и современники. В дальнейшем за протопопом как безусловным лидером пойдут его сторонники, увидевшие в нем новый образец мученика за веру⁴².

³⁸ Севастьянова 2007: 70.

³⁹ Частично об этом см.: Робинсон 1974: 54–55, 285.

⁴⁰ Трудно сказать, мог ли Аввакум относиться отрицательно к выявленным изменениям в жертвенной риторике, однако он точно не одобрял перевод жертвы в «профанное» измерение. Любопытно в связи с этим отношение староверов к изображению «страстей Христовых» в театре. Автор «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному», адресованного Аввакуму и рассказывающего о смерти Алексея Михайловича, так высказывается о театральной постановке при дворе царя: «И таким играм иноверцы удивляясь, говорят: "Есть, де, в наших странах такие игры, камидиями их зовут, только не во многих верах". Иные, де, у нас боятся и слышат сего, что во образ Христов да мужика ко кресту будто пригвождать, и главу тернием венчать, и пузырь подделав с кровию под пазуху, будто в ребра прободать. И вместо лица Богородицы – панье-женке простерши власы, рыдать, и вместо Иоан-на Богослова – голоуово детину сыном нарицать и ему ее предавать». – Бубнов, Демкова 1981: 143.

⁴¹ Житие 2010: 45.

⁴² Выстраданная Аввакумом роль жертвы за веру нашла последователей, часто в новом качестве, – призывы к жертве соотносимы с государственной риторикой, но помогали староверам переживать все тяготы гонений. В конце XVII – нач. XVIII в. продолжают создаваться яркие памятники старообрядческой литературы, сакрализирующие страдальцев за веру: «История выговской пустыни» Ивана Филиппова, «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Объяснение феномена самосожжения, вероятно, имеет эту же каузальность.

Несомненно, Аввакум воспринимал страдания в духовном контексте, в «этикетной» ориентации на образцы, что было общей тенденцией религиозного опыта, глубокого переживания жизни во Христе, характерного и для других верующих. По точному замечанию А.Н. Робинсона, «идеалы, символы и образы раннего христианства <...> писатели раскола стали применять к самим себе, своей жизни, борьбе и страданиям. Эти обстоятельства сыграли важную роль в формировании особой "психологии творчества"»⁴³. У Аввакума это подразумевает преодоление собственно цитатного или сюжетно-мотивного плана: для него жертва за веру – не только отсылка к Священному Писанию, но и непосредственное личное переживание. Бытовой и сакральный миры у него находятся в состоянии конвергенции, что проявляется как в построении сюжета и своеобразном языке его сочинений, так и в художественном и реальном образе протопопа: «И ты, правовѣрне, без сомнѣния держи предание святых отецъ, Богъ тебя благословит, умри за сие, и я с тобою же должень. Станемъ добре, не предадимъ благовѣрия, не по што нам ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили!»⁴⁴.

В отношении любого человека можно выделить доминантную роль. В случае такой уникальной личности, как протопоп Аввакум, эта роль могла просто не иметь аналогов. Топика жертвы или жертвенные аллюзии скорее вторичны по отношению к внутренней жизни автора: движение мысли Аввакума к Богу осуществлялось как бы изнутри его личности⁴⁵. Всей своей жизнью Аввакум противопоставляет рационально-идеологическим тенденциям своего времени иррационально-метафизическое восприятие жертвы за веру. Жертвенная смерть и защита веры в сознании автора противопоставит любому действию светской и духовной власти, движимой антихристом, и в конечном счете получает жизнеутверждающий пафос победы старой веры.

Разнообразие и историческая динамика рассмотренной литературной топики говорит о предельной сложности восприятия идеи жертвы за веру в конце XVI – XVII в. Зеркальная сюжетная ситуация *жертва государства / жертва за государство (отечество)* соответствовала остро переживаемым авторами внутренним противоречиям и окружающей действительности. Активно используемая участниками властного дискурса патриотическая риторика на протяжении XVII века поддерживала конфессиональную и культурную идентичность, основополагающей аргументацией для чего было религиозное убеждение в спасении посредством жертвы за веру или даже в обретении мученического венца.

Процесс формирования жертвенной самоидентичности, преодолевающей собственно риторичу и книжную традицию, требовал аргумен-

⁴³ Робинсон 1974: 375. О многообразии ролей Аввакума, составляющих полифонию самоидентичности писателя, см.: Соболева, Голендухина 2019.

⁴⁴ Житие 2010: 106.

⁴⁵ Ср. высказывание П. Хант об «освоении Бога внутри собственных границ» как принципе самоизображения Аввакума. – Хант 1977: 83.

тации другого типа и, по-видимому, других условий. Церковная реформа в случае Аввакума задействовала ресурсы яркой личности и талантливого писателя. Аввакум погружает себя в насыщенный трагизмом контекст, подтверждая право на него всей своей судьбой. Отстаивание старой веры, жертвенная гибель за нее стали для него фактором самоидентичности, и его сочинения – едва ли не первый опыт в русской литературе подобного использования жертвенной темы. Жертва Аввакума в конечном счете получает значение для дальнейшего развития темы не только жертвы за веру, но и жертвы вообще.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. 614 с. [Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiei. Vol. 1. St Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 614 p.]
- Белякова Е. В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России. Церковь, политика, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 39–62. [Belyakova E. V. Otnoshenie k voine i ubiistvu v kanonicheskikh pamyatnikakh XIV–XVI vv. // *Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politika, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletii.* Moscow, Nauka, 2003. P. 39–62.]
- Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. P. 127–150. [Bubnov N.Yu., Demkova N.S. Vnov' naidennoe poslanie iz Moskvy v Pustozersk «Vozveshchenie ot syna dukhovnago ko otcu dukhovnomu» i otvet protopopa Avvakuma (1676 g.) // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Leningrad, Nauka, 1981. Vol. 36. P. 127–150.]
- Елеонская А.С. Тема борьбы против ордынского ига в старопечатном Прологе // Куликовская битва в литературе и искусстве / отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1980. С. 101–114. [Eleonskaya A.S. Tema bor'by protiv ordynskogo iga v staropечатnom Prologe // *Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve / red. A.N. Robinson.* M.: Nauka, 1980. P. 101–114.]
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 222 с. [Eleonskaya A.S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka. Moscow, Nauka, 1990. 222 p.]
- Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 360 с. [Zhivov V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2004. 360 p.]
- Житие протопопа Аввакума // Поньрко Н. В. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. Тексты, статьи, комментарии. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 45–106. [Zhitie protopopa Avvakuma // *Ponyrko N. V. Tri zhiitiya – tri zhizni. Protopor Avvakum, inok Epifanii, boyarynya Morozova. Teksty, stat'i, komentarii.* St Petersburg, Pushkinskii Dom, 2010. P. 45–106.]
- История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / изд. Н. Новиковым. СПб.: Тип. Акад. наук, 1776. [22], 1–224, 245–260, 241–400 с. [Istoriya o nevinnom zatochenii blizhnego boyarina Artemona Sergeevicha Matveeva / izd. N. Novikovym. St Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1776. [22], 1–224, 245–260, 241–400 p.]
- Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 8. С. 158–186. [Kudryavtsev I. M. «Poslanie na Ugru» Vassiana Rylo kak pamyatnik publitsistiki XV v. // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. Vol. 8. P. 158–186.]
- Курбский А.М. История о делах великого князя московского / изд. подг. К.Ю. Ерусалимский. М.: Наука, 2015. 942 с. [Kurbskii A.M. Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo / izd. podg. K.Yu. Erusalimskii. Moscow, Nauka, 2015. 942 p.]
- Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на мат-ле Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // Тру-

- ды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 297–303 [Lobakova I.A. Voinskoe povestvovanie i agiograficheskaia traditsiia v literature XVII v. (na materiale Rasprostranennoi redaktsii «Povesi o razoreanii Ryazani Biatyema») // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1993. Vol. 48. P. 297–303].
- Макарий, митр. История русской церкви [Makarii, mitr. Istoriia russkoi tserkvi]. ГПНТБ СО РАН [сайт]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/makary/mak5203.htm>
- Мочалова В.В. Бартоломей Новодворский – идеал христианского рыцаря // «Вертоград многоцветный»: сб. к 80-летию Б.Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С. 423–440 [Mochalova V.V. Bartolomei Novodvorskii – ideal khristianskogo rytsarya // «Vertograd mnogotsvetnyi»: sb. k 80-letiiu V.N. Flori. Moscow, Indrik, 2018. P. 423–440].
- Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с. [Oparina T. A. Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii. Novosibirsk, Nauka, 1998. 429 p.].
- Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 4. М.: Университет. тип., 1898. X, 195 с. [Pavel Aleppskii. Puteshestvie Antiokhiiskogo Patriarkha Makariia v Rossiiu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhi diakonom Pavlom Aleppskim / per. s arab. G. Murkosa. Iss. 4. Moscow, Universitet. tip., 1898. X, 195 p.].
- Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с. [Panchenko A. M. Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform. L.: Nauka, 1984. 205 p.].
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М.: Наука, 1981. С. 12–52. [Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu // Perepiska Ivana Groznogo s Andreeom Kurbskim / tekst podg. Ya. S. Lur'e i Yu. D. Rykov. Moscow, Nauka, 1981. P. 12–52].
- Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / подг. Б.Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1986 год. М.: Наука, 1987. С. 277–289. [Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu v sbornike kontsa XVI – nachala XVII veka / podg. B. N. Morozov // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 god. Moscow, Nauka, 1987. P. 277–289.].
- Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–459. [Plyukhanova M.B. O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniia lichnosti: samosakralizatsiia, samosozhzhenie, plavanie na korable // Iz istorii russkoi kul'tury. Vol. 3 (XVII – nachalo XVIII veka). 2nd Ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P. 380–459.].
- Попович А. И. «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы исторической поэтики. Т. 18. 2020. № 4. (в печати) [Popovich A. I. «Izobrazhaya zhertvu»: pafos oblicheniia i muchenichestva v sochineniiax Ivana Groznogo i Andrieya Kurbskogo // Problemy istoricheskoi poetiki. Vol. 18. 2020. № 4. (in print)].
- Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1668) // Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. С. 438–449 [Pis'mo patriarkha Nikona tsaryu Alekseiu Mikhailovichu (iyun' 1668 g.) // Sevast'yanova S.K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2007. P. 438–449.].
- Послание на Угру Вассиана Рыло / подг. текста Е.И. Ванеевой, пер. О.П. Лихачевой, коммент. Я.С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 386–399. [Poslanie na Ugru Vassiana Rylo / podg. E.I. Vaneevoi, per. O.P. Likhachevoi, komment. Ya.S. Lur'e // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1999. Vol. 7. P. 386–399.].
- Послание патриарха Никона о споре с Романом Боборькиным // Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. С. 399–409. [Poslanie patriarkha Nikona o spore s Romanom Boborykinym // Sevast'yanova S. K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2007. P. 399–409.].
- Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 404 с. [Robinson A. N. Bor'ba idei v russkoi literature XVII veka. Moscow, Nauka, 1974. 404 p.].
- Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого

- монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 183–213. [Sapozhnikova O.S. Ioann Zlatoust i mitropolit Filipp (k voprosu ob obrazakh, proobrazakh i modelyakh) // Knizhnye zlatousty Drevnei Rusi. Knizhnik i rukopisi Solovetskogo monastyra. SPb., 2004. P. 183–213.]
- Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с. [Sevast'yanova S.K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Moscow, Indrik, 2007. 776 p.]
- Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императ. Акад. наук, 1790. Ч. 2. XIII, [52] с., 1200 стлб. [Slovar' Akademii Rossiiskoi : v 6 ch. St Petersburg, Imperat. Akad. nauk, 1790. Part 2. XIII, [52] s., 1200 columns.]
- Соболева Л.С., Голендухина М.А. Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 46–60 [Soboleva L.S., Golendukhina M.A. Polifoniya samoidentichnosti v «Zhitii» protopopa Avvakuma // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2019. № 4. P. 46–60.]
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1822. Ч. 3. [4], III, [11], 540 с. [Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. Moscow, Tip. N.S. Vsevolozhskago, 1822. Part 3. [4], III, [11], 540 p.]
- Успенский Б.А. Влияние языка на религиозное сознание // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту: [Б.и.], 1969. Вып. 236. (Труды по знаковым системам. Т. 4). С. 159–168. [Uspenskii B.A. Vliyanie yazyka na religioznoe soznanie // Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Tartu, [B.i.], 1969. Iss. 236. (Trudy po znakovym sistemam. Vol. 4). P. 159–168.]
- Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 70–83. [Hunt P. Samoopravdanie protopopa Avvakuma // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Leningrad, Nauka, 1977. Vol. 32. P. 70–83.]
- Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 359 с. [Shmidt S.O. Stanovlenie rossiiskogo samoderzhavstva: Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo. Moscow, Mysl', 1973. 359 p.]
- Шунков А.В. «Переходный текст» русской литературы второй половины XVII – начала XVIII века: проблемы поэтики: автореф. дис. ... докт. филол. н. Томск: [Б.и.], 2015. 37 с. [Shunkov A. V. «Perekhodnyi tekst» russkoi literatury vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: problemy poetiki: avtoref. dis. ... dokt. filol. n. Tomsk, [B.i.], 2015. 37 p.]

Попович Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; alexeypopowich@mail.ru

Dictate of power and the path to individual choice: idea of sacrifice for faith in early modern Russia

The article examines the tendencies of the secularization of the idea of sacrifice for faith, rooted in the Christian tradition, among the authors of the second half of the 16th – 17th centuries. Disgraced intellectuals, as well as representatives of spiritual and secular power, resorted to literary topics and allusions to sacrifice for faith, using the same techniques of positioning themselves or other subjects of this discourse as victims, incl. martyrs for their faith. The conflict with the authorities in the writings of Andrei Kurbsky and Patriarch Nikon, on the one hand, acquired an extremely sacred character, and on the other, both deliberately constructed a sacrificial self-identity in relation to the authorities. The article analyzes rhetorical methods of influencing the participants in military operations through the ideas of salvation and the acquisition of a martyr's crown and calls to sacrificial death for the state and the sovereign. In connection to the deep experience of church reform as a tragedy of faith, the perception of the victim as the most important component of self-identity is growing. Protopope Avvakum, through the creation of his "Life" and the experience of suffering for the faith, overcomes the actual confessional context of this idea, thus becoming a unique model for his contemporaries.

Keywords: sacrifice for faith; victim; martyrs; self-identity; intellectuals; power; early modern times; protopope Avvakum

Alexey Popovich, Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Graduate Student, Department of Philology, Ural Federal University; alexeypopowich@mail.ru